

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

© 2009 г. А. В. Сухарев

Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН, Москва;

e-mail: zavor753@mail.ru

Обосновывается перспективность применения этнофункционального подхода к изучению ментальности. Ментальность личности и общества раскрывается как развивающаяся система образов “человек – природа – культура – трансцендентный мир” (этносреды). На основе анализа результатов теоретических и экспериментальных исследований делается вывод о том, что нарушение этнофункционального развития ментальности может привести к возникновению у личности различных психопатологических и асоциальных проявлений. Намечаются новые исследовательские и прикладные перспективы изучения развития ментальности с позиций этнофункционального подхода.

Ключевые слова: ментальность, этносреда, этнофункциональный подход к развитию ментальности.

В современной науке ментальность понимается достаточно широко – как умственный строй, мироощущение, мировосприятие и, в то же время, как интегральная характеристика культуры, народа, нации, отражающая глубинный и устойчивый тип коллективного сознания, бессознательного, поведения [34, 56]. Как и у большинства авторов, понятие “ментальность” используется нами как синоним понятия “менталитет”, что признается вполне допустимым, в силу недостаточной философско-методологической разработанности проблемы [19, с. 2]. В определении ментальности прежде всего подчеркивается ее связь с культурно-историческим содержанием, присутствием личности или группе. Одновременно она определяется и как “психологическая оснастка” культуры и цивилизации, которая может быть отражена в когнитивных, аффективных и поведенческих характеристиках [19, 51 и др.]. Существенно, что в большинстве определений в качестве необходимой национальной, этнической и др. специфики ментальности отмечается (хотя и не всегда отчетливо) роль ее природно-биологической, а также исторической составляющих. В частности, А.Я. Гуревич отмечал, что ментальность – это то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире [16]. Г.Д. Гачев в содержании ментальности включает “национальные образы мира” – представления о национальной целостности, как единство местной природы (ландшафтно-биологического), быта, языка и истории (культуры), национального характера (психики) [10, с. 21]. В свою очередь, историческая состав-

ляющая национальной ментальности подчеркивалась Н.А. Бердяевым. Она определялась им как сумма всех поколений и “вечно живой субъект исторического процесса”, где “живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения современные” [2, с. 48]. Системный подход к исследованию исторического развития ментальности, на наш взгляд, должен быть направлен на изучение “развития научных представлений о психике и обыденных психологических представлений”, которое и “образует в совокупности целостную систему психологического познания” [23, с. 214]. Мы полагаем, что ментальность личности и общества формируется под влиянием не только современной им культуры, но также природно-биологического развития, культурной истории и той сферы, которую принято обозначать как религиозно-мистический опыт человека или “трансцендентный мир”.

В современной культурно-исторической ситуации ментальность или “картины мира” [16] характеризуются нарастающей “этнокультурной мозаичностью” [48], обусловленной расширяющимся потоком разнородной информации, воспринимаемой человеком в единицу времени [50]. Вследствие “этнокультурной мозаичности” не только общества, но и отдельной личности, традиционный типологический (этнопсихологический) подход к исследованию ментальности (на пример, как социальных представлений – см. [1, с. 9, и др.]) оказывается недостаточным. В соответствии с философским принципом дополнительности [4], он должен быть расширен этнофункциональным психологическим подходом. В этом подходе рассматривается этнодифференци-

рующая или этноинтегрирующая функция образов у отдельной личности или групповых представлений [47] и, тем самым, учитывается культурно-историческая специфика современного “кризисного сознания” [17, с. 143]. И он является более адекватным для исследования ментальности, поскольку в нем принимается во внимание этническая функция не только абстрагированных социальных и личностных “типов”, но и отдельных, реально составляющих данные типы групповых представлений или индивидуальных образов.

Целью настоящей работы является применение этнофункционального подхода к изучению ментальности. В основе исследования лежит гипотеза о возможности определения с позиций этнофункционального подхода новых исследовательских и прикладных аспектов изучения развития ментальности личности и общества как системы образов “человек – природа – культура – трансцендентный мир”.

Обоснование выдвинутой гипотезы предполагает решение следующих задач:

- на основе сопоставительного анализа понятий ментальности и образа раскрыть образную структуру ментальности;

- проанализировать теоретические и экспериментальные результаты этнофункциональных исследований ментальности личности и общества для подтверждения валидности применения этнофункционального подхода;

- определить исследовательские и прикладные перспективы изучения ментальности с позиций этнофункционального подхода.

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК СИСТЕМА ОБРАЗОВ

Анализ использования понятия ментальности (менталитета) (*outilage mental, mentalité*) представителями французской школы исторической психологии [3, 5, 20, 29, 51 и др.], в которой оно и было введено, показывает, что оно связывается с такими понятиями, как “эмоциональное отношение”, “картина мира” [16]. Понимая ментальность как “умственную вооруженность” (*outilage mental*), Люсьен Февр подчеркивал в содержании ментальности *аффективную* жизнь людей (любовь, страх, смех) и, вместе с тем, отмечал, что речь идет о “том круге понятий и категорий, навыков и автоматизмов сознания, за пределы которого мысль человека данной эпохи не в состоянии выйти” (цит. по [15, с. 8]). А.Я. Гуревич подчеркивает, что современные историки не вычленяют при анализе ментальности конкретных эмоций, “но стремятся реконструировать более комплексное и всеобъемлющее образование – картину мира”, при этом “ментальные установки человека определяют его картину мира” (курсив наш. – А.С.) [16,

с. 416–417]. Он говорит: “...Время, пространство, отношение людей к природе, трактовка потустороннего мира и его связей с миром животных, понимание возможного и невозможного, естественного и сверхъестественного, связь технологических и магических методов воздействия на мир, трактовка идеального и материального, труд и праздник, оценка детства и старости, семья, отношение к женщине и сексу, страхи и фобии, наконец, психологический статус личности – таковы некоторые аспекты картины мира” [15, с. 9]. Таким образом, ментальность может быть описана как определенная целостность “картин мира” в категориях пространства, движения, цвета, формы; одновременно она включает эмоциональные отношения, оценки, трактовки, различные когнитивные и поведенческие аспекты, психологический статус личности в целом. Наряду с пониманием ментальности как характеристики отдельной личности, ментальность выступает и как характеристика “данной эпохи”, “психологический каркас культуры”, “связь технологических и магических методов” и прочее, то есть всего того, что характеризует и общественные (или групповые) представления, установки.

Для нашего анализа важно подчеркнуть, что целостное интегральное отражение действительности, в котором совместно представлены такие перцептивные характеристики, как пространство, движение, цвет, форма и т.д., соответствует психологической категории “образ”. Причем образы полимодальны и включают когнитивную, эмоциональную, двигательную и другие модальности. Развивая взгляды Б.Г. Ананьева и других авторов на психологию чувственного познания, Б.Ф. Ломов выделял в процессе отражения “уровень представлений, к которому относятся... воображение, образная память, эйдетические, гипногические образы” и т.д., являющиеся “вторичными” по отношению к перцептивным образам [30, с. 166, 167]. При этом он отмечал ведущую роль зрительной модальности образа, трансформирующей сенсорно-перцептивный опыт субъекта, что, в свою очередь, существенно для психического развития человека. Ломов отмечал также, что наиболее характерная особенность представления состоит в соединении образности (наглядности) и обобщенности и что оно является “связующим звеном восприятия и мышления” [там же, с. 167, 169]. Исходя из “многообразия классов” вторичных образов в “образной сфере человека”, А.А. Гостев подчеркивает “полифункциональность психического образа в фило-культуро-онтогенезе”, а также, что вторичные образы структурируют опыт человека на всех уровнях – “от восприятия физической среды до социальной перцепции или отражения духовно-религиозных смыслов” [13, с. 109–110]. Основываясь на этих представлениях, мы считаем воз-

можным использовать понятие образа для описания ментальности личности и общества. Вторичные образы, которые Гостев справедливо рассматривает как часть образной сферы человека, имеют регуляторную функцию для целостного поведения личности и для развития общества [12, 13, 58 и др.]. Социальные представления [42], которые по мнению А.А. Гостева также являются частью образной сферы человека [13, с. 322], можно, по-видимому, определить как систему социальных установок, объединяющих “аффекты, эмоции и их предметное содержание в единое целое” [58, с. 23]. Обосновывая кросскультурный подход в исследовании социальных представлений как характеристик российской ментальности, К.А. Абульханова-Славская и Р.Р. Енакаева отмечают их “имманентность российскому сознанию” на том основании, что в России всегда преобладали “идеи и представления”. Они соглашаются также с положением С. Московичи о том, что социальные представления “являются ведущей и единственной характеристикой и общественного и индивидуального сознания” [1, с. 9; 34].

Сопоставительный анализ понятий “социальные представления”, “социальные установки” и ментальности как “совокупности картин мира” позволяет выявить их внутреннюю общность. На наш взгляд, ментальность личности наиболее полно можно описать как целостную совокупность устойчивых “вторичных образов” с их эмоциональной, когнитивной, ценностной и другими модальностями, характеризующими, по определению А.А. Гостева, образную сферу личности [12]. Данная сфера, как мы уже отмечали, включает не только образы, имеющие социокультурное или природно-биологическое происхождение, но и религиозно-мистические [13].

Существенно, что модальности образа – эмоциональная, ценностная, двигательная и др. – регулируют соответствующие формы поведения личности [12]. П.Н. Шихирев отмечает необходимость “нахождения такого объекта, который позволил бы соединить отношения личности, группы и общества” – категории образа. Он указывает на регулирующую роль образов как “формы существования ценностного отношения” в поведении человека и подчеркивает мысль С.Л. Рубинштейна о том, что “именно образ выполняет практическую работу по регуляции конкретной деятельности” [58, с. 63]. В аспекте развития ментальности личности мы вводим обоснованное теоретически и частично эмпирически положение о *ведущем образном содержании* ментальности, которое выполняет основную регуляторную функцию на каждом последовательном этапе исторического развития общества (этносреды) или стадии развития личности. Это образное содержание определяет *направленность* развития личности или общественной системы на том или ином отрезке

времени. В частности, наши исследования показывают, что в эмпирически выявленные “оптимальные” возрастные периоды наличие определенного (ведущего) содержания образной сферы личности способствует повышению степени адаптированности личности, а его отсутствие – снижает [46].

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ

С 70-х гг. XX века резко возросло количество концепций этничности и соответствующих научных публикаций. В них, на наш взгляд, наметилось зафиксированное в научных исследованиях явное противоречие между нарастанием “этнокультурной мозаичности” общества, часто воспринимаемым как позитивное явление, с одной стороны, и отмечаемой авторами конструктивной роли сохранения “этнокультурных традиций” в жизни людей – с другой [9, 45, 57, 59, 60 и др.]. Данное противоречие требует для своего разрешения нового методологического подхода, учитывающего нарастающую этническую неоднородность ментальности человеческих сообществ и отдельной личности, как специфику современной культурно-исторической ситуации.

В отличие от этнопсихологического подхода, в рамках которого изучалась, в частности, специфика процесса развития личности в различных культурах (например, в работах И. Кона, М. Мид [33 и др.]), *этнофункциональный подход* [46] позволяет дифференцированно учитывать культурно-историческую специфику этого процесса в условиях “кризисного сознания” [17, с. 143] не только на уровне общества, но и личности. Вследствие увеличения скорости изменений информационных потоков в современном мире как результата миграций, развития СМИ, средств массовых коммуникаций, торговли и т.п., именно в ментальности личности и общества нарастает этнофункциональная “мозаичность” *не только культурных* (об этнической функции культуры – см. [6]), но и природных, антропологических, а также трансцендентных представлений (Христа, Будды, духов природных стихий и др.), выполняющих, с позиций этнофункционального подхода, дифференцирующую или интегрирующую этническую функцию по отношению к различным этносам или этническим системам нашей планеты. В качестве базового понятия для описания системы “человек – природа – культура – трансцендентный мир” в этнофункциональном подходе мы вводим понятие *этносреды* (точнее – *этнофункциональной среды*). Наряду с традиционно выделяемыми группами этнических признаков – климато-географических, расово-биологических и культурно-психологических [6, 14], правомерно выделить еще группу трансцендентных (религи-

озно-мистических и т.п.). В ментальности личности и общества в той или иной мере представлен образ целостной этносреды.

Для учета разнородности ментальности современного общества необходима новая парадигма в психологии – *этнофункциональная*. В данной парадигме все внутренние (психологические, биологические), внешние (социокультурные, природно-экологические) и трансцендентные элементы этносреды рассматриваются в связи с их этнической функцией. В основе этнофункциональной парадигмы лежат следующие методологические принципы: *этнофункциональная системность* личности и этносреды; *этнофункциональное развитие* (необходимость последовательного прохождения определенных этапов в развитии этносреды и стадий в развитии личности); *этнофункциональный детерминизм* (нарушение системности или последовательности развития личности и этносреды рассматривается как одна из причин возникновения в них деструктивных процессов); и *этнофункциональная субъектность* (как личность, так и общество могут являться субъектами деятельности и развития). Наряду с перечисленными, в эту парадигму, на наш взгляд, необходимо ввести еще один принцип – *этнофункционального единства структуры и развития микро- и макрокосма*, постулирующий аналогию между последовательностью и содержанием этапов развития этносреды и стадий развития личности в данной этносреде [46]. В рамках настоящей работы нет возможности сколько-нибудь подробно остановиться на обосновании последнего принципа. Заметим, однако, что философский принцип аналогии структуры и развития микро- и макрокосма, помимо философии, биологии и медицины, применялся, в частности, в психологической науке в концепциях психического развития З. Фрейда, С. Холла и В. Штерна, в исследованиях Э. Кречмера, К.Г. Юнга и других [8, 11, 18, 22, 25–28, 32, 37, 38, 40, 43, 44, 52–54, 61 и др.].

Неоднородная этносреда воздействует на личность опосредствовано – через ее образную сферу. С позиций этнофункциональной парадигмы, образное содержание ментальности и модальности конкретных образов наделяются этнической функцией. Развитие ментальности личности и общества мы понимаем как этнофункциональное развитие. В соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма, на каждой стадии этнофункционального развития ментальности личности в качестве ведущего рассматривается образное содержание последовательных этапов развития ментальности общества в этносреде рождения и проживания данной лич-

ности (в идеале). Развитие ментальности этносреды обуславливается, в свою очередь, различными внешними этнодифференцирующими культурными, климато-географическими и природно-биологическими влияниями, порождающими необходимые для этого развития противоречия в структуре ее ментальности. Эти противоречия, согласно А.Дж. Тойнби, могут возникать под воздействием культурных и природных факторов – “вызовов” и разрешаться в форме тех или иных реакций общества и природной среды – “ответов” [49]. Содержание ментальности включает в себя две составляющие: во-первых, фиксируемую в данный момент времени образную “пространственную” составляющую, во-вторых, представление о последовательном развитии данных образов (“временная” составляющая). Наши исследования показывают, в частности, что определенные нарушения в обеих составляющих могут обуславливать психическую, социальную и др. дезадаптированность личности [46].

Как справедливо отмечает А.А. Гостев в своей монографии по психологии вторичного образа, до сих пор недостаточное внимание уделялось временным параметрам и аспектам его развития [12]. Поэтому, актуальным в изучении ментальности является, на наш взгляд, не только ее развитие в онтогенезе личности, но и в историогенезе этносреды.

В соответствии с предложенным нами представлением о “ведущем образном содержании” данной ментальности, начальные этапы развития ментальности общества в определенной этносреде, с позиций этнофункционального подхода, можно рассматривать по аналогии с классической схемой развития античной мифологии у А.Ф. Лосева – от хтонического до героического периода [31]. Напомним, что в “ведущее образное содержание” ментальности входят образы, имеющие основную регуляторную функцию на определенном этапе исторического развития общества или стадии развития личности в конкретной этносреде.

В российской этносреде можно выделить следующие начальные этапы развития: доисторический (научные сведения об этом этапе развития неполны и получены, в целом, на основе косвенных источников), хтонический – от поклонения природным стихиям, фетишизма, к “язычеству” – анимизму и многобожью до X–XI вв. [41, с. 439–458]. За ним следует “героический” период, отражающий появление в ментальности в качестве ведущего начала образ человека – героя. На этом аналогия с античностью заканчивается и, в соответствии со спецификой развития русской этно-

среды, в качестве ведущего образного содержания с крещения Руси выступают христианские представления, затем научные представления эпохи просвещения (XVIII–XIX вв.). Современный этап (с XX до начала XXI в.) характеризуется как этап системного кризиса, нарастания хаоса в ментальности этносреды, “этнокультурной мозаичности” ее образного содержания. И, наконец, будущий этап – этнофункционально целостный идеальный *прообраз* российской этносреды. В соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма, по аналогии с этапами развития ментальности общества в российской этносреде, в онтогенезе личности выделяются стадии, ведущее образное содержание которых тождественно ментальности данного этапа развития этносреды. К этим стадиям относятся:

1) доисторическая или пренатальная, на которой внутриутробное развитие ребенка в определенной мере регулируется образной сферой матери;

2) природная, на которой ведущим образным содержанием в развитии личности ребенка выступают образы природы;

3) сказочно-мифологическая, на которой преобладают сказочные дохристианские образы;

4) религиозно-этическая (христианские образы);

5) стадия просвещения, где в качестве ведущих выступают научные представления о мире;

6) современная “стадия синтеза” (названная так, исходя из необходимости преодоления нарастающего хаоса, построение этнофункционально целостной образной сферы личности в российской этносреде, повышение степени ее организации);

7) будущая стадия (“мудрости”) – идеальный прообраз ментальности личности в системе общечеловеческой, этносферной (термин Л.Н. Гумилева [14]) ментальности.

Результаты эмпирических исследований, которыми мы располагаем к настоящему времени, подтверждают обоснованность выделения указанных стадий [46].

Чрезвычайно важным для дальнейших теоретических и практически-прикладных исследований в нашем подходе является, казалось бы, абстрактное понятие *направленности* этнофункционального развития субъектов ментальности (личности или общества) на конкретный *идеальный прообраз развития*, понимаемый как естественное развитие. Ввиду значимости данного понятия, мы специально обозначаем его как *архегению* этносреды или личности [46]. В этнофункциональном подходе идеальные прообразы развития этносреды и личности рассматриваются как тождественные. Понятие архегении (идеального прооб-

раза развития) мы вводим по аналогии с эйдосом Платона, понимавшего эйдосы вещей как “предел их становления” [39, с. 505; 41]. Процесс данного “становления” понимается нами как оптимизация развития личности. *Этнофункциональными критериями* приближения к идеальному прообразу развития являются оценки компетентных специалистов, осуществляемые на основе результатов исследований в области наук о человеке и его этносреды – этнологии, этноистории, этнолингвистики, этнобиологии, этногеографии, этномедицины и др.

В современном стремительно “расширяющемся” мире направленность на общечеловеческие ценности (ментальность) является актуальным и существенным признаком национального самосознания личности и, по мнению многих ученых, определяет конструктивное развитие общества (см. Н.А. Бердяев [2], А.Дж. Тойнби [49], П.А. Флоренский [52], Г.Ю. Чернов [55] и др.). В рамках этнофункционального подхода получены теоретические и экспериментальные результаты, подтверждающие необходимость последовательного прохождения личностью всех стадий развития ее ментальности – от “местного” (узко-этнического) до общечеловеческого, этносферного уровня, т.е. имеет место *этносредовая непрерывность развития ментальности личности* (подробнее см. [46]). Если личность, не прошедшая последовательно и полноценно все стадии этнофункционального развития, декларирует собственную “общечеловеческую идентичность”, то это может быть лишь проявлением ее незрелости (зачастую, небезопасной). Как отмечал Э. Эриксон, «слишком широкая идентичность “человека вообще” вне расовых, религиозных и других типов идентичностей» порождает опасность того, что человек может присвоить себе право “причислять или нечислять остальных к человечеству” [60, с. 329].

В целом, этнофункциональный подход позволяет на новой методологической основе осмыслить различные этапы исторического развития российской ментальности, плюсы и минусы особенностей ментальности различных исторических эпох, в том числе и советского периода, с целью их последующего учета в процессе конструктивного формирования ментальности общества и личности.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

Методология этнофункционального исследования личности основана на сочетании номотетического (выявляющего общие закономерности) и идиографического (учитывающего индивидуально-специфическую, субъективную составляющую

щую в процессе исследования) подходов. В исследовании личности идиографический подход реализуется на основе клинического метода в психодиагностике и исследованиях эффективности психотерапии. Специфика этнофункционального исследования личности заключается в том, что эмпирические данные, полученные тем или иным методом, анализируются с позиций этнофункциональной методологии – этнической функции элементов образной сферы, выявленных в интервью, образного содержания данных Роршах-теста, материалов наблюдения и др. Отметим, что результаты применения клинического метода в большинстве случаев обрабатывались математически с целью выявления общих закономерностей (т.е. сочетались с номотетическим подходом).

Клинический метод является инструментом исследования содержания субъективного мира личности. Основным экспериментальным методом исследования содержания и развития образной сферы личности в нашей работе являются различные варианты *структурированного этнофункционального интервью* [46]. Этот метод дает, в основном, представление о *внутренней (субъективной) картине развития личности* (ср.: “внутренняя картина болезни” в психиатрии) во временном и пространственном аспектах и соответствует тому, что называется сбором “субъективного анамнеза” при клиническом методе исследования в психиатрии. Данная картина представляет собой образную сферу личности и характеризуется когнитивной, эмоциональной, духовно-нравственной, моторной и др. модальностями. Описывая достоинства субъективного анамнеза, В.Н. Мясищев утверждал, что наиболее существенное запечатлевается и воспроизводится наиболее отчетливо, а кажущаяся неполнота полученных данных является как бы средством необходимой реализации принципа избирательности [36, с. 251, 268–269].

В процессе структурированного этнофункционального интервью выявляется *когнитивно-эмоциональный след*, представляющий собой субъективное описание личностью собственной образной сферы, эмоциональное отношение к различным образам и субъективную оценку времени возникновения в психике тех или иных образов. Внутренняя этнофункциональная картина развития личности имеет, в то же время, объективную экспериментальную основу. Например, субъективное описание элементов образной сферы личности и оценка времени их возникновения в психике при соотнесении с этнофункциональными критериями характеризует те или иные этнофункциональные нарушения развития ментальности личности, что обуславливает возникновение у нее объективных показателей

психобиологической или социальной дезадаптированности.

О том, какой из рассматриваемых подходов (субъективный или объективный анамнез) более адекватен для психолого-педагогических или психотерапевтических целей, можно судить по следующему эпизоду из нашей практики.

Когда родителей двенадцатилетней Маши спросили, со скольких лет ее начали знакомить с церковью и православной культурой, мать ответила: “Лет, наверное, с четырех. Маше очень нравилось посещать с нами храм”. Сама девочка по этому поводу сказала следующее: “Я тогда еще в садик не ходила. Когда я была в церкви с бабушкой, мне было страшно, я очень уставала и плакала”. Возникает вопрос, какие сведения более достоверны? С позиций нашего подхода, для работы с девочкой более существенным является тот когнитивно-эмоциональный след (“было страшно”), который остался у нее после ранних посещений храма. Также более важным представляется именно ее субъективное представление о времени этого посещения (“я тогда еще в садик не ходила”).

Следует особо отметить, что в ряде случаев (например, при наличии у обследуемого интеллектуального дефекта) субъективный анамнез при необходимости может быть дополнен данными “объективного анамнеза” [36] и их сопоставлением с результатами субъективного анамнеза. Так как метод “объективного анамнеза”, часто опирающийся на сведения, полученные от родственников, преподавателей, знакомых обследуемого, далеко не всегда объективен, то для получения достоверных результатов важен анализ данных, полученных обоими методами, и осуществляемый опытным специалистом с определенных теоретико-методологических позиций.

Исследования ментальности общества на прошедших этапах исторического развития, согласно А.Я. Гуревичу (ссылавшемуся, в свою очередь, на Виндельбанда, Риккерта и Вебера), также должны быть ориентированы на идиографический метод и выявление особенного, индивидуального, неповторимого в истории [15]. Эти исследования имеют огромное значение для анализа исторического (временного) аспекта ментальности современного общества. Значительная работа в данном направлении осуществляется в настоящее время в историко-психологических исследованиях *методом психолого-исторической реконструкции* (см. [23, 24]). Этнофункциональные исследования ментальности этносреды с применением метода психолого-исторической реконструкции необходимы, в частности, для уточнения содержания этнофункциональных критериев, используемых в качестве ориентиров для оптимизации развития

личности в психолого-педагогической, психопрофилактической и психотерапевтической работе.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ

Эмпирическая обоснованность этнофункционального подхода к изучению развития ментальности личности подтверждается серией констатирующих и формирующих (психолого-педагогических, психотерапевтических, психопрофилактических) экспериментальных исследований, проведенных на различных возрастных группах (от 3 до 80 лет) в норме (детские сады, школы, вузы, дома престарелых), на контингентах с асоциальным и криминальным поведением, в клинике (детская психиатрия, аффективная патология, наркология, онкология и др.). Эти исследования показали, что степень приближения содержания и последовательности стадий развития ведущей образной сферы личности к ее идеальному прообразу (в соответствии с этнофункциональными критериями) пропорциональна степени психической адаптированности личности по показателям ее психического и психосоматического здоровья, социальной и правовой адаптированности, уровню развития творческих способностей и др. [7, 9, 46, 47, 57, 59 и др.]. Системность полученных позитивных результатов, на наш взгляд, обусловлена полнотой и системностью избранного методологического подхода, а также его социальной актуальностью.

Результаты эмпирических исследований дают нам основание утверждать, что этнофункциональный подход является эффективной гуманитарной технологией, позволяющей с единых методологических позиций подойти к исследованию проблем формирования ментальности личности и общества. Ниже в качестве примера кратко приведены результаты анализа (реконструкции) развития российской ментальности в XX веке с позиций этнофункционального подхода.

Этнофункциональный анализ современной кризисной культурно-исторической ситуации в России показывает, что у огромного большинства людей произошли определенные нарушения в процессе развития личности. При очень высокой скорости революционных информационных сдвигов, потрясавших Россию в XX в., естественный ход ее развития подвергся болезненному изменению. После 1917 г. из российской ментальности было в значительной мере вытеснено традиционное образное содержание религиозно-этической стадии и замещено чуждыми для тогдашней России идеалами французской револю-

ции. Постепенно произошла и частичная подмена образного содержания сказочно-мифологической стадии – заметно выхолощен сакральный смысл народных сказок и мифов, многие из которых трансформировались в пионерские, бытовые и “технологические” истории и рассказы, а также другие образы новой советской и западноевропейской мифологии. С течением времени сказки пополнялись и весьма экзотическим содержанием – в историях, предназначенных для детей, появились образы из африканских и южноамериканских мифов и сказок, а также “новоделы” в виде телепузиков, покемонов и пр. Исследования влияния изменений этносреды и, соответственно, ментальности современной России на развивающуюся личность с позиций этнофункционального подхода показывает, что образному содержанию сказочно-мифологической стадии, на которой формируется эмоционально-чувственная сторона отношений [9, 57 и др.], был нанесен серьезный ущерб.

Радикальные изменения ментальности на религиозно-этической стадии развития личности произошли в новейший исторический период дважды – в первые годы советской власти и в течение десятилетия после взятия власти оппозицией в 1991 г. Таким образом, возник диссонанс в преемственном взаимодействии указанных стадий развития. После дискредитации коммунистических идеалов в российской ментальности образовалась идеологическая пустота. В процессе “перестройки” прежнее “коммунистическое” содержание ментальности довольно быстро замещается традиционным религиозно-этическим. Однако революция и перестройка нанесли психике людей значительный ущерб.

Традиционное для русской культуры сказочно-мифологическое содержание ментальности вновь подверглось изменениям, подобным тем, которые произошли в XVII веке вследствие государственной политики притеснения “боголюбцами” “бесовских” музыки и плясок, ряда народных обычаев и календарных обрядов, что в эпоху Петра I привело к их существенной десакрализации. При этом “сверху” насаждалась практика весьма фривольного поведения, пьяных застолий, кукольного театра и т.д., привнесенные в русскую придворную среду наряду с польской модой в одежде и прочими особенностями быта из Европы [21]. Аналогично, в 90-х годах XX века традиционные народные сказки, фольклор и т.п. были мощно вытеснены в СМИ и системе образования потоком “неоязычества”. По содержанию это были порнография, культ насилия, образы всевозможных “мутантов”, космических демонов

и т.д. и т.п. Нарушение развития эмоционально-мотивационной сферы может обуславливаться сочетанием “выпадения”, “забегания” и/или наличием этнодифференцирующего ведущего образного содержания на сказочно-мифологической стадии развития личности с “перегрузкой” неподготовленной, эмоционально незрелой психики директивным введением религиозных образов и соответствующих этических норм [46].

Эмоциональная незрелость личности как результат этих нарушений не способна обеспечить органичное усвоение религиозных образов и их нравственной модальности на религиозно-этической стадии. Вследствие этого у человека может возникнуть лишенное душевности, эмоционально выхолощенное и лишь внешне правильное религиозное морализирование. В результате сложившейся ситуации оказалось, что в постперестроечный период, например, православная этика, зачастую, усваивалась людьми всех возрастных категорий недостаточно прочувствованно, без необходимой предварительной подготовки и зрелости мотивов и чувств. Это, как показывает наша клиническая и консультационная практика, может проявляться либо в поверхностном, либо, напротив, в гипертрофированном отношении к религии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие ментальности личности и общества рассматривается нами как развитие системы устойчивых “вторичных образов” – образной сферы личности или общества. Полученные в исследованиях теоретические и экспериментальные результаты позволяют рассматривать нарушения этнофункционального развития ментальности личности как условия возникновения у нее различных психопатологических и асоциальных проявлений. Перспективным в исследовании ментальности с позиций этнофункционального подхода, на наш взгляд, является методологически взаимодополняющее использование клинического метода структурированного этнофункционального интервью (исследование ментальности личности) и метода историко-психологической реконструкции (исследование ментальности общества). Результаты историко-психологической реконструкции ведущего образного содержания в ментальности различных этапов развития этносреды, в частности, российской, с учетом результатов имеющихся эмпирических исследований, можно использовать для уточнения этнофункциональных критериев (ориентиров) оптимизации развития личности в процессе образования, пси-

хопрофилактики и психотерапии. Можно предположить, что результаты исследований связи нарушений этнофункционального развития личности с психологическими и, в особенности, психопатологическими проявлениями позволят не только выявить причины различных социально-психологических феноменов в прошлом и в современную эпоху, но также могут быть использованы для прогноза их возникновения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А., Енакаева Р.Р. Российский менталитет или игра без правил? // Российский менталитет. М.: Институт психологии РАН, 1996.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.
3. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.
4. Большой энциклопедический словарь. Философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Под ред. С.Ю. Солодовникова. Минск: МФЦП, 2002. С. 263.
5. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
7. Бухарева С.Ю. Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук, 2005.
8. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: ООО “КМК”, 2004.
9. Выдрин Е.А. Этнофункциональный аспект психофизиологии легкой степени умственной отсталости у дошкольников: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук, 2007.
10. Гачев Г.Д. Космопсихологос – национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007.
11. Геккель Э. Современные знания о филогенетическом развитии человека. СПб.: 1909.
12. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
13. Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Изд-во “Генезис”, 2008.
14. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: “Прогресс”, 1993.
15. Гуревич А.Я. История и психология // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 4. С. 3–16.
16. Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005.
17. Давыдов Ю.Н. Кризисное сознание // Современная западная социология. М.: ИПЛ, 1990.
18. Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека. В 9-тт. М.: АН СССР, 1953.
19. Дашиковский П.К. К вопросу о соотношении категорий “менталитет” и “ментальность”: историко-философский аспект // Философские дескрипты.

- Выпуск 2. Барнаул: ММЦ АлтГУ, 2007. (<http://irbis.asu.ru/mmcs/melnik6.ru.shtml>)
20. Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск: "Полиграмма", 1994.
 21. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М.: Церковь, 1995.
 22. Карамян А.И. Закон рекапитуляции и его значение в морфофункциональной эволюции головного мозга позвоночных // Нейронные механизмы развивающегося мозга / Под ред. К.В. Шулейкина и С.Н. Харютина. М.: Наука, 1979.
 23. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004.
 24. Кольцова В.А. Особенности предметной области исторической психологии // Историческая психология: предмет, структура и методы. Учебное пособие / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. М., 2004. С. 12–31.
 25. Корнетов Н.А. Синхронистический подход к психопатологии и психотерапии психогенных депрессий: от психиатрии и этнографии к психологической антропологии // Психиатрия в контексте культуры / Под ред. В.Б. Миневича. Вып. 1. Этнопсихиатрия. Москва–Томск–Улан-Удэ: МЗ РФ СГМУ, МЗ Бурятии, 1994.
 26. Кречмер Э. Об истерии. СПб.: Питер, 2001.
 27. Лебедев А.А. Микрокосмос и макрокосмос // Философский энциклопедический словарь. М.: "Советская энциклопедия", 1989.
 28. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
 29. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: ALEXANDRIA, 2007.
 30. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Изд-во "Наука", 1984.
 31. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Изд-во "Наука", 1977.
 32. Маудсли Г. Физиология и патология души. СПб., 1871.
 33. Мид М. Культура и детство. М.: Наука, 1988.
 34. Молотков М.Б. Российский менталитет как фактор исторического выбора России: Автореф. ... дисс. канд. филос. наук. Иркутск, 2007.
 35. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: "Центр психологии и психотерапии", 1998.
 36. Мясцев В.Н. Психология отношений. М.: Академия педагогических и социальных наук, 1995.
 37. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Педагогическое общество России, 2000.
 38. Орбели Л.А. Вопросы высшей нервной деятельности. М.–Л.: АН СССР, 1949.
 39. Платон. Соч. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
 40. Русский космизм и ноосфера. Тезисы докладов всесоюзной конференции. М.: Государственный комитет по народному образованию, Московский физико-технический институт, Кафедра философии АН СССР, Philosophisches Institut der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, 1989. Ч. 1.
 41. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
 42. Соснина Л.М. Сравнительное изучение социальных представлений о справедливости в различных этнических общностях: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.
 43. Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев: "Ника-Центр", 1997.
 44. Стерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг.: Изд-во газеты "Школа и жизнь", 1915.
 45. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып. 20. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990.
 46. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
 47. Сухарев А.В., Кравченко О.Ф., Овчинников Е.В. и др. Экспериментально-психологические основы этнофункционального подхода к психопрофилактике // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 5. С. 68–80.
 48. Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 4.
 49. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
 50. Тоффлер О. Футуршок. М.: Прогресс, 1973.
 51. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
 52. Флоренский П.А. Макрокосм и микрокосм // Оправдание космоса. СПб.: Изд-во РХГИ, 1994.
 53. Фрейд З. "Я" и "Оно". Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2.
 54. Холл Ст. Эволюция и воспитание чувства природы у детей. СПб.: Изд-во газеты "Школа и жизнь", 1914.
 55. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005.
 56. Шаповалов В.Ф. "Восстание масс" по-русски // Свободная мысль. 1993. № 12. С. 35.
 57. Шапорева А.А. Роль этнической функции содержания сказок в гармонизации взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений у детей и подростков: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук, 2007.
 58. Шихирев П.Н. Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Дисс. в форме научного доклада на соискание уч. степени докт. пс. наук. М., 1993.
 59. Шустова В.О. Этнофункциональный аспект антинаркотического и антиалкогольного воспитания молодежи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук, 2007.
 60. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
 61. Lexikon Jungischer Grundbegriffe / Hrsg. von H. Hark. Olten, Walter-Verlag AG, 1988.

ETHNO-FUNCTIONAL ASPECT OF MENTALITY STUDY**A. V. Sukharev**

*Sc.D. (psychology), leading research assistant of laboratory of history of psychology and historical psychology,
Psychological Institute of RAS, Moscow*

Perspectives of application of ethno functional methodology to mentality study are based. Mentality of a person and society are revealed as developing system of images “man – nature – culture – transcendental world” (ethno environments). On the basis of results' analysis of theoretical and experimental researches the conclusion that violation of ethno-functional development of person's mentality can result in the rise of different psychopathological and asocial manifestations is made. New research and applied perspectives in mentality development study from the viewpoint of ethno-functional methodology are set.

Key words: mentality, ethno environment, ethno-functional approach to mentality development.